

УДК 316.77

Лобода Оксана Витальевна, кандидат социологических наук,
ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
(Владивостокский филиал), г. Владивосток

Грудинин Александр Максимович, студент,
ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет», г. Новосибирск

**УСИЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В ОБЩЕСТВЕ: ОСНОВНЫЕ
ТЕНДЕНЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
STRENGTHENING STATE CONTROL OF INFORMATION FLOWS
IN SOCIETY: MAIN TRENDS AND SOCIAL PERSPECTIVES**

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции государственной политики в сфере управления информационными потоками в части реализации контрольно-надзорных функций за деятельностью СМИ и иных участников коммуникаций в открытых сетевых ресурсах. Авторами предпринята попытка анализа социальных перспектив, связанных со сдерживанием свободы высказываний.

Abstract. The article discusses the main trends in state policy in the field of information flow in terms of the implementation of control and supervisory functions over the activities of the media and other participants in communications in open network resources. The authors attempted to analyze the social perspectives associated with the restraint of freedom of expression.

Ключевые слова: социальная коммуникация, государственный контроль, информация, социальный капитал, социальное доверие.

Keywords: social communication, state control, information, social capital, social trust.

Серьёзные геополитические вызовы и риски, стоящие перед Российской Федерацией на сегодняшний день, формируют новые задачи перед органами государственной власти в части сохранения общественного строя, социального порядка и безопасности в стране. Помимо реального отстаивания территориальных интересов государства, нешуточная борьба разворачивается и на просторах информационных полей, как в границах формализованных на уровне официальных СМИ субъектов коммуникативного пространства, так и в открытых сетевых ресурсах. Все чаще информация, распространяемая через сетевые платформы, несет в себе угрозу политической и социальной стабильности. Угрозу, связанную с информационными вбросами, используемыми для формирования определенной позиции на уровне общественного мнения. Речь идет, прежде всего, о фейках и тому подобных формах распространения массовой информации, из-за которых опасности подвергаются многочисленные группы граждан.

Подобные рода информационные проявления были зафиксированы в 2020 году в ряде российских СМИ и социальных сетях еще в период пандемии COVID-19. В основном они касались заведомо ложного контента о массовом заражении коронавирусом больших групп населения и вызывали панику. В таких условиях государство было вынуждено пересмотреть традиционные подходы к контролю за информационными потоками в обществе и ужесточить требования законодательства к достоверности таких сведений, а также ответственность, применяемую к нарушителям. Традиционно информационные потоки контролируются через фильтрацию контента, удаления или ограничения доступа к материалам вебсайтов, воспринимаемых государством как угрожающие существующему на данный момент режиму в стране. И основание для такого рода мер должно быть четко определено рамками правовых норм.

Современное российское законодательство затрагивает проблемы защиты прав и законных интересов общества и государства и противодействия опубликованию заведомо ложной или провокативной информации в целом

спектре нормативных правовых актов [1, с. 80]. Поскольку современное российское массмедийное и рекламное право представляет собой объект комплексного регулирования, то и проблемы обеспечения достоверности публикуемой информации также напрямую связаны с многочисленными положениями нормативных правовых актов разной юридической силы [2, с. 112].

В целом правовой режим, устанавливающий требования к содержанию массовой информации с точки зрения ее полноты и достоверности, оформлен соответствующими положениями таких нормативных правовых актов, как Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовный кодекс. А также специальными законами, такими как закон «О СМИ», закон «О рекламе», закон «Об основных гарантиях избирательных прав и праве на участие в референдуме граждан Российской Федерации», и рядом иных законов и подзаконных нормативных правовых актов [3, с. 755].

Современное масс-медийное российское право складывалось постепенно, в основном в период 1990-2000-х годов и по сути своей представляет реакцию законодателя на возникающие вызовы и угрозы общим интересам и безопасности [4, с. 88]. Именно в этом ключе, по мнению авторов, следует рассматривать и нововведения в законодательство 2020 года, которые направлены на пресечение фейковой информации, связанной с пандемией коронавируса COVID-19.

К числу такого рода нововведений, касающихся российского массового информационного права, можно отнести внесение весной 2020 года изменений в уголовное и административное законодательство в связи с появлением новых составов правонарушений – фейковых новостей, касающихся COVID-19 и иных общественно опасных болезней и эпидемий.

Так, в понятие административного правонарушения в форме злоупотребления свободой массовой информации включены новые составы, в

частности распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях под видом достоверных сообщений заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств (ч. 10 ст. 13, 15 КоАП РФ) [5].

Хронология появления уголовной ответственности за распространение фейков в Уголовном кодексе РФ выглядит следующим образом:

- статья 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» (введена Федеральным законом от 05.05.2014 № 128-ФЗ);

- статья 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» (введена Федеральным законом от 01.04.2020 № 100-ФЗ);

- статья 207.2 «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия» (введена Федеральным законом от 01.04.2020 № 100-ФЗ) [5].

Использованная в период пандемии и ранее практика государственного регулирования информационных потоков получила свое продолжение и в современных российских реалиях после 24 февраля 2022 года. В связи с принятием Вооруженными Силами Российской Федерации участия в проведении специальной военной операции за пределами РФ, направленной на денацификацию и демилитаризацию политического режима на Украине в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет», наблюдались масштабные факты распространения заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил РФ.

В целях пресечения деятельности, направленной на дискредитацию органов государственной власти и Вооруженных Сил Российской Федерации, федеральными законами № 31-ФЗ от 04.03.2022 «О внесении изменений в

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» была введена административная и уголовная ответственность за подобные противоправные деяния (статьи 20.3.3, 20.3.4 КоАП РФ, статьи 207.3, 280.3, 284.2 УК РФ) [5]. Нововведения касаются не только СМИ, но и блогеров, авторов постов в социальных сетях, комментаторов и т. д.

На практике под действие поправок с определенной долей вероятности попадает любое сообщение, которое выкладывается человеком в социальных сетях, массово пересылается (через группы и чаты в мессенджерах) и содержит сведения, о которых распространителю достоверно неизвестно. Отягчающими обстоятельствами здесь будут использование при таком публичном распространении служебного положения, корысть, фальсификация доказательств, мотивы расовой, политической и иной вражды. Более того, несмотря на то, что поправки вступили в силу 5 марта 2022 г., наличие состава преступления может быть выявлено даже в постах и призывах, опубликованных ранее. То есть если публикацию можно увидеть и прочитать после 5 марта 2022 г., то не имеет значения, когда она была размещена. Ведь существующую в сети информацию по-прежнему можно отмечать, делать перепосты. Необходимость фильтрации высказываний становится вынужденной мерой конструктивного общения, но не с точки зрения его продуктивности, а с точки зрения следования инстинкту самосохранения.

По мнению авторов поправок, ужесточение требований к достоверности контента и серьезность санкций за правонарушения в сфере распространения информации позволяет сохранять контроль за информационными потоками, гарантировать устойчивость политической конъюнктуры и общественного мнения. При этом введение санкций за фейки и формирование новых составов правонарушений в уголовном и административном праве является реакцией законодателя на актуальные вызовы настоящего момента. Можно

прогнозировать и с достаточной достоверностью предполагать, что развитие событий, связанных с отстаиванием геополитических интересов, в итоге приведет к дальнейшему совершенствованию законодательства в данном направлении, а также к появлению и иных мер государственной политики и контроля, например, к более жесткой регламентации информации в интересах общего повышения устойчивости политической системы.

Тем не менее, стоит помнить, что сложная конструкция социального мира держится на относительной свободе высказываний, свободе проживать свое «человеческое» через общение, в основу которого положена коммуникация, а точнее – разговор. Мир социального – это не структуры и функции, это социальные практики, практики общения, опыт проживания которых формирует основу социального капитала, построенного на доверии. Это доверие ближнему кругу, то есть доверие «своим». То, что связано с семейным, родственным счастьем, что мы называем друзьями, то, что определяется сильными связями. И доверие «дальнему». То есть связи, которые нас соединяют с «другим» миром. Связи, которые определяют содержание, направление и варианты проигрывания социальных норм, поддерживающих основание социального порядка. И тот, и другой мир социального держится на свободе слова [6]. Если в обществе наблюдается возможность соотношения мира близких и дальних связей, четко очерчены схемы их сопряжения, то такое общество априори отличается высоким уровнем самоорганизации, настроено на солидарное действие, плотным социальным капиталом, наличие которого минимизирует издержки даже на уровне бизнес-процессов.

В ситуации, когда мы начинаем купировать наши социальные связи на всякий случай, контролируя то, что сказать можно, а что нельзя, мы ограничиваем не только собственную даже не столько свободу, сколько возможность самореализации, но и возможность самореализации своего собеседника. Отсутствие поля для дискурса ограничивает вариативность развития социальных систем, исключая возможность проговаривать возможные комбинации их развития [6].

Необходимость контроля за вербализацией мыслей на индивидуальном уровне, напрямую повышает степень атомизации современного российского общества, усиливает разобщенность, снижает уровень социального доверия, а значит, деструктивно сказывается и на социальном капитале. Такого рода социальные проявления сегодня, безусловно, носят второстепенный характер в свете стоящих перед государством актуальных задач. Однако понимание развития социального сценария по данной траектории актуализирует необходимость разработки более продуманной, последовательной, комплексной государственной информационной политики, направленной на консолидацию общества, формирование чувства сплоченности, солидарного действия, повышения уровня не только межличностного, но и институционального доверия.

Список литературы:

1. Бейненсон, В. А. Проверка достоверности информации в условиях новых медиа: проблемы и возможности / В. А. Бейненсон // Журналистика в системе альтернативных источников информации: сб. мат-лов науч. конф. каф. журн. ННГУ, Н. Новгород, 14 мар. 2017 г. / ННГУ им. Н.И. Лобачевского; редкол.: О.Н. Савинова (отв. ред.) [и др.]. – Н. Новгород, 2017. – С. 79–89.

2. Ильченко С. Н. Фейковая журналистика как элемент современной шоу-цивилизации / С. Н. Ильченко // Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 14–15 апреля 2016 года. — Екатеринбург, 2016. — С. 110-112.

3. Садчиков Д. И. Фейковые новости в социальных сетях: механизмы распространения и воздействия на аудиторию / Д. И. Садчиков // XXI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 22-23 марта 2018 г., Екатеринбург. - Екатеринбург: УрФУ, 2018. - С. 753-764.

4. Суходолов, А. П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиaprостранстве // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты. 2017. №о 1. С. 87-106.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации. Электрон. ресурс. Режим доступа. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

6. Рогозин Д. Свобода слова и социальный капитал // Полит.ру. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://polit.ru/news/2023/04/14/rogozin/> .